

Лубский Роман Анатольевич

кандидат философских наук, доцент,
докторант кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79034065421)

Государственность и концепты модернизации в России

Актуальность изучения государственности и концептов модернизации в России на рубеже веков обусловлена потребностью сформировать адекватные «ответы» на «вызовы» западноевропейской и североамериканской цивилизации в контексте осуществления постиндустриального транзита российской цивилизации от концепта «догоняющей» модернизации к модернизации «национально-суверенного типа», основанной на учете государственно-национальных интересов и цивилизационной специфики.

Ключевые слова: государственность, модернизация, концепт модернизации, «догоняющее» развитие, «имперская» модернизация.

R.A. Lubsky, Master of Philosophy, Assistant Professor, Doctoral Candidate of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79034065421.

Statehood and modernization concepts in Russia

Relevance of studying of statehood and modernization concepts in Russia at the turn of the century is caused by requirement to create adequate «answers» to «calls» of the West European and North American civilization in a context of implementation of post-industrial transit of the Russian civilization from a concept of «catching-up» modernization to modernization of «national and sovereign type», based on the accounting of state and national interests and civilization specifics.

Key words: statehood, modernization, modernization concept, «catching-up» development, «imperia» modernization.

Актуальность изучения государственности и концептов модернизации в России на рубеже веков обусловлена потребностью сформировать адекватные «ответы» на «вызовы» западноевропейской и североамериканской цивилизации в контексте осуществления постиндустриального транзита российской цивилизации от концепта «догоняющей» модернизации к модернизации «национально-суверенного» типа, основанной на учете государственных интересов, национальной специфики и особенностей цивилизационного развития [1]. Исследователи проблем модернизационных преобразований полагают, что вызов Запада как раз и проявляется в «необходимости всем странам реагировать на его существование путем изменений, ускоренного развития, даже независимо от того, вынуждает ли он их к этому или нет» [2, с. 127].

В геополитическом контексте этого вызова в свое время была разработана концепция «вторичной» модернизации и ее эшелонов, к одному из которых причисляют государства Юго-Восточной Азии и Восточной Европы, включая

Россию. В этих странах социокультурные предпосылки индустриализации по разным причинам отсутствуют, а сам процесс модернизации проходит под влиянием модернизационных тенденций в странах Западной Европы и Северной Америки. Это обстоятельство оказывает большое влияние на способы осуществления «вторичной» модернизации, которые обусловлены особенностями формирования региональных политических «ответов» на глобальные «вызовы» современности.

Специфика процесса модернизации в странах Юго-Восточной Азии и Восточной Европы состоит в том, что большинство модернизационных преобразований проходит в них под жестким контролем государства, которое в условиях угрозы утраты национальной идентичности осуществляет форсированную индустриализацию «сверху», активно заимствует опыт социально-экономического, социокультурного и технико-технологического развития передовых в этом отношении стран. Отличительные признаки «вторичной» модернизации заключаются не только в том, чтобы подчерк-

нуть особую роль государства в процессе социальной модернизации. Концепт «вторичной» модернизации позволяет обратить внимание на отличительные особенности процесса замены традиционных локальных типов универсальными формами, на основе которых происходит утверждение самой культуры «модернити».

В современной России социально-экономическая трансформация также осуществляется в рамках государственной политики «сверху» и на основе мобилизационного типа социально-экономического развития. При этом государственные учреждения власти и соответствующие им структуры государственного управления определяют стратегию и тактику модернизационных процессов, реализация которых напрямую зависит от действий различных представителей политической бюрократии и номенклатурной элиты, которые, как правило, не обладают столь необходимым для этого опытом, что приводит к перманентным провалам и срывам модернизационных проектов, описываемых по традиционной формуле проведения российских реформ: «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Отдельные аспекты государственности и модернизации различных сфер российского общества уже выступали в качестве предмета научного исследования. В этой взаимосвязи рассматривались проблемы социально-исторической и социокультурной динамики российской государственности (С.А. Авакьян, В.А. Артамонов, А.С. Ахизер, В.В. Ильин, Т.П. Коржихина, Л.С. Мамут, П.Н. Милюков, Б.Н. Миронов, В.Б. Пастухов, А.С. Сенин, А.А. Тимофеева, Б.Н. Чичерин, А.М. Яковлев), специфики и самобытности российской государственности (М.Н. Афанасьев, А.Б. Венгеров, А.А. Контарев, Е.А. Лукьянова, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров), институционально-правовых форм российской государственности (Ю.И. Литвинова, Е.Ю. Погожаева, В.Е. Чиркин, Л.М. Шураева), цивилизационных форм и традиций российской государственности (А.Н. Ерыгин, И.А. Исаев, С.П. Федоренко, М.А. Чешков), эволюционных форм христианской государственности (А.Н. Богданов, Митрополит Иоанн), соотношения Российского государства и российской государственности (А.Б. Венгеров, В.Б. Пастухов), российской государственности как качественного состояния государства (Е.А. Лукьянова, А.А. Тимофеева), российской государственности как элемента общественной структуры и как матрицы российской цивилизации (Т.Е. Ворожейкина,

А.В. Воронин, А.В. Лубский, С.Н. Рябинин), ментально-правового измерения российской государственности (А.Ю. Мордовцев), кризиса советской государственности (С.И. Метелкин), трансформации национальной государственности в условиях глобализации (О.И. Цуканова), а также концептуальных моделей российской государственности (Г.Б. Гавриш, А.А. Горшколепов, Ю.В. Крамаренко, Л.Н. Меньяло, С.П. Овчинникова, Е.В. Подберезный).

Модернизация, как и любые социально-экономические трансформации в России, неразрывно связана с регенерацией государствоцентричной матрицы развития российского общества, при которой государство играет центральную роль и выполняет системообразующую функцию в структурировании экономических, социально-политических и культурно-идеологических отношений [3, с. 60–61]. По мнению некоторых специалистов, это обусловлено особой значимостью государственности как государственно-организованной формы российского общества, включающей государственно-правовые структуры и институты, а также национально-государственную идею и социальные практики ее реализации [4; 5, с. 124–129].

Современное российское общество по своей сущности является обществом политического типа. В таком обществе политический капитал является основным видом символического капитала власти, который приносит прибыль, одновременно выступая в качестве критерия материального благополучия и финансового благосостояния, величина которого обусловлена местом человека в политической иерархии, структурирующей коммуникативное пространство на основе социального обмена и политического торга. В современной России именно обладание государственной властью, а не экономической собственностью всегда определяло и определяет вектор социально-экономического развития. В отличие от процесса модернизации на Западе в российском обществе именно государственные, а не рыночные механизмы рассматриваются в качестве основного способа приобретения материального благополучия и финансового благополучия. Это обусловлено тем, что в современной России экономические отношения стимулируются политикой, а приобретение материальных благ следует за приобретением власти, а не наоборот, как это происходит на Западе [6, с. 5]. В этой связи представляется достаточно интересным наблюдение отечественного исследователя

М.Н. Афанасьева, который пишет о «властеченризме», присущем России, выражающемся в «зацикленности социума на власти» и «властеченризме» либерального сознания, «постоянно выбирающего между позицией во власти и позицией против власти» [7, с. 9; 8, с. 211].

Генезис современного российского общества сопровождается продолжительными периодами политического развития, сменяющимися кратковременными периодами экономической модернизации, которая практически всегда заканчивается политическими реформами, восстанавливающими «социальный порядок» и усиливающими роль государства. Периоды тоталитаризма и авторитарных откатов в России наступают всегда после периодов экономического процветания, для которых характерно ослабление государственного контроля над экономикой и появление относительно независимого класса собственников. К примеру, последствием экономической модернизации конца XIX в. были революции 1905 и 1917 гг., а последствием политики нэпа – тоталитарный режим И.В. Сталина. Все периоды модернизации российской экономики подрывают основы государственного управления и контроля, создавая угрозы целостности государства, поэтому процессы экономической модернизации и социальной «оттепели» в России заканчиваются, как правило, периодами жесткого авторитарного, а иногда тоталитарного управления, призванного укрепить государственный порядок, установить государственный контроль над экономикой и восстановить государственность.

По отношению к истории России теория модернизации «приобрела» свое научное выражение в рамках социальных концептов «имперской» модернизации и «догоняющего» развития, предусматривающих мобилизационный характер социально-экономического роста.

В соответствии с концепцией «догоняющего» развития в России, по сравнению с рядом западноевропейских стран, на определенной исторической стадии ее эволюции происходит «задержка» в социокультурном и социально-экономическом развитии, которая объясняется долговременной зависимостью России от монголо-татарского ига и процессами «первичной» модернизации на Западе. Эволюция капиталистических отношений на Западе в XVII–XVIII вв., протекающая в рамках процессов «первичной» модернизации, одновременно сопровождается укреплением феодальных отношений в России, экспортирующей в основном сельскохозяйственные продукты и природные ресурсы,

потребность в которых постоянно увеличивается по мере стремительного роста темпов экономического развития промышленности и торговли. Пытаясь преодолеть «отставание» от экономически развитых западноевропейских стран, Российское государство систематически осуществляет политику модернизации страны «сверху», поэтому социально-экономическое развитие России в XVIII–XX вв. рассматривается как развитие «вдогонку». Развитие «вдогонку» как вид социально-экономического и технологического развития России на протяжении всего периода ее существования осуществляется на основе модернизации «сверху» и протекает в виде насильственной «вестернизации», приводящей к социальным катастрофам и перманентным срывам российской государственности, в связи с чем и само государство оказывается в тупике «догоняющего» развития [9].

В советской и постсоветской России ситуация не изменилась: социально-экономическое развитие происходит в рамках концепта «догоняющего развития», в ходе которого неожиданно возникает проблема. Как отмечают некоторые специалисты, необходимость политической и социально-экономической модернизации является несомненной, но в связи с тем, что процесс индустриализации уже завершен, именно приоритет индустриального развития определяет сущность модели «догоняющего» развития. Поэтому попытка применить модель, показавшую свою эффективность при индустриализации страны в целях политической и экономической модернизации, осуществляется по инерции и является неэффективной, что оборачивается социальным откатом, деиндустриализацией государства и приводит к уничтожению каких бы то ни было социальных предпосылок и экономических условий, способствующих переходу к постиндустриальному (информационному обществу), которое олицетворяют собой страны Западной Европы и Северной Америки на сегодняшний день [10, с. 229].

В соответствии с концепцией «имперской» модернизации социальные преобразования в России осуществляются, прежде всего, для укрепления военно-политического статуса и геополитического положения Российской империи, а также с целью усиления ее военнотехнического потенциала и сохранения национальной безопасности [11, с. 36–41]. В связи с тем, что в России отсутствует социальный слой, который бы мог инициировать процесс модернизации «снизу» (как это происходило и

происходит в странах Западной Европы и Северной Америки и по сей день), «имперская» модернизация осуществляется по инициативе интеллектуальной и наиболее активной части российской политической элиты, которая проводит ее с помощью государственно-властных и административно-хозяйственных ресурсов управления и планирования, а не на основе естественно сложившихся предпосылок к реализации поставленных задач. Основной целью «имперской» модернизации в России является создание мощной, боеспособной и современной армии, оснащенной новейшими образцами высокоточного вооружения и сетью предприятий военно-промышленного комплекса. Для этого заимствуются научные знания и западные инновационные технологии, которые могут использоваться в военной и иных видах оборонной промышленности. В свою очередь, это стимулирует развитие российской науки и техники и создает устойчивые предпосылки для роста ее научно-технического, технологического и информационного потенциала.

Специфика «имперской» модернизации, которая традиционно проводится представителями российской политической элиты «сверху», обусловлена мобилизационно-принудительными технологиями ее реализации, необходимыми для преодоления социального разрыва в рамках «догоняющего» развития. При сокращении разрыва между Россией и Западом до «терпимых» пределов мобилизационно-принудительное воздействие ослабевает. Очередной период «социальной модернизации», «перестройки», «коренной ломки», «глобальной реконструкции» или «глобальной трансформации всей системы общественных отношений» сменяется очередным периодом социальной стагнации, длящимся до тех пор, пока образовавшийся социальный разрыв не приобретает

актуальность в очередной раз. Проведение «имперской» модернизации на основе насильственной мобилизации гражданского населения позволяет некоторым специалистам сделать вывод о том, что она направлена не на улучшение условий и качества жизни, и даже не на обогащение правящей верхушки, хотя побочным ее продуктом является неимоверное «казнокрадство» [12].

Осуществление «имперской» модернизации представителями российской политической элиты в рамках политики «сверху» обуславливает ее «элитарный» характер, что способствует еще большему углублению социальных противоречий и отчуждению гражданского населения от провозглашенных целей и задач модернизации, которая воспринимается им как «инородное» явление. Весь этот процесс сопровождается дальнейшей эскалацией социально-политического конфликта, или, как пишет А.С. Ахиезер, потерей взаимопонимания двух слоев общества, один из которых был связан с народной почвой, другой – с оторванным от почвы стремлением к новому [13, с. 141–142].

Таким образом, концепт «имперской» модернизации предполагает устранение последствий экономического разрыва в рамках «догоняющего» развития и создает предпосылки для социокультурного раскола, который все более увеличивается в ходе нарастающего конфликтогенного потенциала общества. В связи с тем, что практически любой социальный конфликт в России в той или иной степени обусловлен социокультурным расколом, «имперская» модернизация в России постоянно сопровождается теми или иными социальными потрясениями, которые охватывают самые разнообразные слои и группы населения [14, с. 125–127].

1. Федотова В.Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij aspekt 2007-12-07.htm

2. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.

3. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития // Политические исследования. 2002. № 4.

4. Лубский А.В. Государственность как матрица российской цивилизации // Гуманитарный ежегодник. Ростов н/Д, 2005. № 4.

1. Fedotova V.G. From catching-up modernization to the national: theoretical aspect. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij aspekt 2007-12-07.htm

2. Kozlowski V.V., Utkin A.I., Fedotova V.G. Modernization: from equality to freedom. St. Petersburg, 1995.

3. Vorozheykina T.E. The state and society in Russia: exhaustion of «the state in the center» matrix of development // Political researches. 2002. № 4.

4. Lubsky A.V. Statehood as matrix of the Russian civilization // Humanitarian year-book. Rostov-on-Don, 2005. № 4.

5. Лубский Р.А. Российская государственность: методологические проблемы макросоциологического исследования // *Методология, теория и история социологии: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 23–24 нояб. 2012 г.)*. Ростов н/Д, 2012. Т. 3.
6. Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // *Мир России*. 2004. Т. XIII. № 4.
7. Афанасьев М.Н. От вольных орд до ханской ставки // *Pro et Contra*. 1998. Т. 3. № 3.
8. Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства: Очерки национальной политической теории. М., 2006.
9. Плимак Е., Пантин И. От смуты до смуты: Россия в тупике «догоняющего развития» // *Октябрь*. 1993. № 1.
10. Федотова В.Г. Теория модернизации и Россия // *Гуманитарный ежегодник*. Ростов н/Д., 2004. № 3.
11. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
12. Фроянов И.Я. Молитва за Россию // *Сов. Россия*. 2000. 8 апр.
13. Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта. М., 1996. Т. 1.
14. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 1.
5. Lubsky R.A. Russian statehood: methodological problems of macrosociological research // *Methodology, theory and history of sociology: proc. of the All-Russian sci. conf. (Rostov-on-Don, Nov. 23–24, 2012)*. Rostov-on-Don, 2012. Vol. 3.
6. Kryshchanovskaya O.V. Modern concepts of political elite and Russian practice // *World of Russia*. 2004. № 4. Vol. XIII.
7. Afanasyev M.N. From free hordes to a khan rate // *Pro et Contra*. 1998. № 3. Vol. 3.
8. Afanasyev M.N. Intolerable weakness of the state: Sketches of the national political theory. Moscow, 2006.
9. Plimak E., Pantin I. From a distemper to a distemper: Russia at the deadlock of «catching-up development» // *October*. 1993. № 1.
10. Fedotova V.G. Theory of modernization and Russia // *Humanitarian year-book*. Rostov-on-Don, 2004. № 3.
11. Horos V.G. Russian history in comparative lighting. Moscow, 1996.
12. Froyanov I.Ya. Prayer for Russia // *Soviet Russia*. 2000. Apr. 8.
13. Akhiezer A.S. Russia. Criticism of historical experience. Moscow, 1996. Vol. 1.
14. Kubyakin E.O. Youth extremism in the conditions of informatization and society globalization: problem statement // *Historical and social and educational thought*. 2011. № 1.